

Б. Паскаль

Мысли о религии

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Б11

Б11 **Б. Паскаль**
Мысли о религии / Б. Паскаль – М.: Книга по Требованию, 2015. – 278 с.

ISBN 978-5-458-03191-2

Издание 2, исправленное

ISBN 978-5-458-03191-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

съ первыхъ же шаговъ не остановился и не потерялся въ созерцаніи безконечнаго. Стремительно исчезнувшее сомнѣніе, глубоко захватившая вѣра, съ нѣкотораго рода отчаяніемъ, страсти, скорѣе заглушенныя, чѣмъ сдержанныя, пренебреженіе къ славѣ, даже въ томъ возрастѣ, когда иной готовъ умереть за нее, гений, посвятившій или, скорѣе, замкнувшій себя въ одномъ кругу предметовъ, всецѣло обречшій себя на спасеніе душъ, величіе характера и духа, дѣлающаго постоянныя усилія, чтобы уничтожить себя предъ Богомъ, чахнущая и умерщвляющая себя жизнь въ слабомъ тѣлѣ, преждевременная смерть за неоконченной работой,— вотъ исторія Паскаля, исторія болѣе трогательная, чѣмъ если бы она была наполнена необычайными приключеніями, и достойная занять высокое мѣсто въ лѣтописяхъ человечества, такъ какъ она цѣликомъ составлена изъ тѣхъ особаго рода тревогъ и печалей, которыя уже потому составляютъ достоинство нашей природы, что ничего не имѣютъ общаго съ низменными житейскими интересами.

Какъ рассказать такую жизнь даже по тому неподражаемому повѣствованію, которое оставила намъ сестра Паскаля? Простота этихъ страницъ христіанскихъ страницъ какъ нельзя лучше соотвѣтствуетъ этому великому человѣку. Вотъ передъ нами ребенокъ, который въ томъ возрастѣ, когда еще лепечуть, упрямо и пытливо спрашиваетъ обо всемъ, умѣетъ отличать отговорки и не довольствуется ими; рожденный какъ бы для знанія, онъ уже теперь не способенъ остановиться внѣ истины или успокоиться, не добившись полнаго свѣта. Извѣстно, какъ онъ, будучи отстраненъ отъ занятій геометріей *), изобрѣталъ ее; извѣстны его добыткя въ уединеніи открытія, тайныя слезы его отца, испуганнаго и восхищеннаго этимъ чудомъ, извѣстенъ совѣтъ добраго Палера, который „находилъ несправедливымъ держать въ плѣну этотъ духъ и прятать отъ него эту область знанія“. Но вотъ ему позволяютъ углубиться въ эти точныя науки, и онъ свободно наслаждается въ нихъ истиной, которой такъ горячо искалъ. Съ 24-хъ-лѣтняго возраста онъ

*) Отецъ думалъ, что математическія занятія могли бы отвлечь сына отъ изученія языковъ.

прощается съ наукой и, воодушевленный любознательностью высшаго порядка, пускается въ поиски за истиной дорогой болѣе трудной; онъ думаетъ сразу схватить ее, онъ обвиняетъ ее съ жаромъ, который распространяетъ и вокругъ себя. Отецъ его, уже бывшій настоящимъ христіаниномъ, получаетъ отъ сына уроки нравственной строгости; сестра его поступаетъ монахиней въ Поръ-Рояль; всѣ окружающіе были согрѣты тѣмъ огнемъ, который сожигалъ его.

Между тѣмъ недуги напали на него съ самой юности; съ 18-лѣтняго возраста онъ не провелъ ни одного дня безъ страданій. Среди изнурительныхъ болѣзней, онъ кое-какъ влачилъ свое существованіе, благодаря усиліямъ врачей, которые всячески старались внушить ему желаніе поддерживать жизнь; и онъ не прочь былъ даже искать нѣкотораго утѣшенія въ исполненіи обязанностей и развлеченіяхъ чело-вѣческаго общества. Почти несомнѣнно, что его сердце было затронуто, что онъ испыталъ удовольствія и муки любви, что онъ удѣлилъ, хотя и короткое время, тѣмъ наслажденіямъ, которымъ предается большая часть людей. Но что же привело его неожиданно къ тѣмъ самымъ высокимъ мыслямъ, которыя составляютъ великое и единственное дѣло его жизни? Тотъ ли несчастный случай, отъ котораго онъ спасся почти чудомъ? *) Или та ночь, полная религіознаго экстаза, послѣ которой онъ берегъ до самой смерти какую-то записку, зашитую въ подкладку своей фуфайки? **) Или, наконецъ, это результатъ благочестивыхъ увѣщаній той самой сестры, которую онъ убѣдилъ покинуть міръ и воспламенилъ любовью къ Богу? Можетъ-быть, тутъ имѣли мѣсто

*) Рассказываютъ, что однажды, когда онъ ѣхалъ по мосту безъ перилъ, лошади взбѣсались и понесли прямо въ воду, но на самомъ краю пропасти построжки оборвались и экипажъ какъ-то остановился. Случай этотъ такъ потрясъ Паскаля, что въ послѣдствіи его постоянно преслѣдовали галлюцинаціи: ему казалось, что на лѣвой сторонѣ около него зияетъ пропасть, и онъ ставилъ на это мѣсто стулъ, чтобы успокоить себя.

**) Записка эта начинается точнымъ обозначеніемъ даты и содержитъ въ себѣ рядъ отрывочныхъ и метафорическихъ выраженій, напр.: „Огонь. Богъ Авраама, Богъ Исаака, Богъ Іакова, а не философовъ и ученыхъ. Извѣстность. Извѣстность Чувства. Радость, Міръ“, и т. д. Одни полагаютъ, что это воспоминаніе о какомъ-то видѣніи, другіе, что это продуктъ религіознаго экстаза. Паскаль свято хранилъ эту записку до самой смерти.

эсъ эти вліянія, но прежде всего, это было непреодолимое движеніе его собственнаго сердца, непобѣдимое желаніе рѣшить великую задачу человѣческой жизни, невозможность удовлетвориться обычными предметами человѣческой дѣятельности или суеты, неизлѣчимое отвращеніе ко всему, что не касается близко Бога. Какъ бы то ни было, онъ покидаетъ все мірское и начинаетъ искать Бога въ сторонѣ отъ мірской суеты. Съ этихъ поръ начинается жизнь, полная размышленій, нравственной суровости и страданій; правда, эти страданія чаще всего посылала природа, но они принимались охотно и составляли почти предметъ религіознаго утѣшенія. Что бы онъ ни говорилъ, о чемъ бы ни молился, что бы ни писалъ, о чемъ бы ни бесѣдовалъ съ нѣкоторыми друзьями, охваченными тою же страстью къ божественнымъ предметамъ, его занимаетъ одно чувство, одна мысль: это—будущее человѣка въ загробномъ мірѣ, средства приготовиться къ нему и ничтожество всего остального. Если онъ увлекается на минуту чѣмъ-нибудь другимъ, внѣ этой идеи, если онъ чувствуетъ, какъ поднимается въ немъ нѣкоторая гордость отъ сознанія, что онъ обладаетъ этой идеей и общается ее другимъ, если онъ начинаетъ находить удовольствіе въ похвалѣ и подчасъ заслушивается своими собственными словами, то желѣзные вериги, которыми онъ опоясанъ, напоминаютъ ему о ничтожествѣ его и о принятомъ имъ рѣшеніи. Его горячее стремленіе къ блаженству, его томленіе о спасеніи души не имѣютъ однако въ себѣ ничего эгоистическаго; ему жаль въ равной степени и другихъ, ему хочется спасти ихъ отъ страданій сомнѣнія, отъ таинственныхъ опасностей загробной жизни; а такъ какъ онъ обладалъ, по общему мнѣнію, полученною отъ неба чудесною силою проникать въ души и трогать сердца, то онъ принимаетъ большой трудъ, чтобы успокоить на лонѣ вѣры тѣхъ, которые изнемогаютъ въ мірѣ пли, чтѣ еще хуже, которые счастливы въ немъ. Онъ хочетъ, по его словамъ, избавить ихъ отъ той болѣзни, которою онъ самъ страдалъ; но изъ усилій, употребляемыхъ имъ для этого, видно, что онъ не излѣчилъ ихъ. Онъ пишетъ изъ чистой любви къ ближнему; ни одинъ писатель не отрѣшался настолько отъ личныхъ интересовъ въ своей работѣ и не выказывалъ

такого рѣшительнаго презрѣнія къ славѣ. Между тѣмъ, его болѣзни увеличиваются; всякое усиліе въ работѣ становится невозможнымъ, его послѣдніе годы—это постоянная агонія. За это время удваивается его униженіе, его отрѣшеніе отъ всякихъ земныхъ привязанностей, его тревожная и протодушная любовь къ бѣднымъ, его терпѣніе или скорѣе вкусъ къ страданію: „Не жалѣйте меня“, говоритъ онъ, „болѣзнь есть естественное состояніе христіанъ; потому что въ этомъ случаѣ они бываютъ такими, какими должны быть всегда. Она пріучаетъ къ перенесенію бѣдствій, къ лишенію всякихъ благъ и чувственныхъ удовольствій, пріучаетъ удерживаться отъ страстей, которыя всю жизнь обуреваютъ человѣка, быть безъ честолюбія, безъ жадности, въ постоянномъ ожиданіи смерти“. Онъ и угасъ среди такихъ мыслей.

Если мы посмотримъ на минуту на эту короткую жизнь съ той точки зрѣнія, съ которой цѣнимъ всѣхъ остальныхъ людей, если, принимая обычную мѣрку нашихъ сужденій, мы спросимъ себя: какое мѣсто занимало въ ней то, что называется обыкновенно счастьемъ, то мы едва найдемъ нѣсколько счастливыхъ моментовъ въ этой длинной цѣпи физическихъ страданій и нравственнаго томленія. Паскаль былъ счастливъ, несомнѣнно, въ тотъ моментъ, когда его юношескій духъ, освободившись отъ путъ, въ которыхъ его держала излишняя предусмотрительность воспитателей, могъ углубиться въ точныя науки и найти въ нихъ здоровую для себя пищу. Онъ познакомился тогда, на короткое, правда, время, но зато по всей полнотѣ, съ счастьемъ понимать и знать, съ невыразимою радостью открытія. Онъ былъ счастливъ и тогда, когда переживалъ тѣ разнообразныя сердечныя волненія, которыя описываетъ и объясняетъ съ удивительною тонкостью пониманія въ своихъ *Discours sur les passions de l'amour*. Конечно, и влюбленный Паскаль не перестаетъ быть христіаниномъ и философомъ. Его любовь—не слѣпой восторгъ, она не имѣетъ ничего ослѣпляющаго, она не мѣшаетъ этому невольному моралисту изучать самого себя. Его любознательный умъ старательно слѣдуетъ за движеніями души, его грустная мысль находитъ себѣ новую пищу даже въ явленіяхъ постепеннаго ослабленія любви. Онъ удивляется, что любовь не можетъ поддерживать

себя постоянно на одинаковой степени, что нужно „набрать себѣ силъ, чтобы больше любить“; онъ узнаетъ „жалкое послѣдствіе человѣческой природы“ въ этомъ неизбѣжномъ утомленіи сердца. Тѣмъ не менѣе эти краснорѣчивыя страницы, достойныя быть незабвенными, освѣщены и согрѣты счастьемъ любить и любя страдать. Но если эта напряженность и проницательность мысли, эта чудесная нѣжность впечатлѣній дѣлаютъ сердце столь чувствительнымъ къ несовершенствамъ любви, зато эти же качества дѣлаютъ его болѣе способнымъ подмѣтить и извѣдать всѣ наслажденія любви. Паскаль, кромѣ того, долженъ былъ чувствовать себя счастливымъ, хотя и короткое время, при видѣ блестящаго успѣха своихъ „*Провинціальныхъ писемъ*“ (Provinciales), — не только потому, что онъ страстно любилъ свое дѣло и своихъ друзей, не только потому, что такой рьяный любитель полемики не могъ быть совершенно нечувствителенъ къ удовольствію нанести столь вѣрный ударъ и видѣть противника пораженнымъ, но и потому, что его трудъ былъ поистинѣ удивителенъ, и онъ не могъ этого не чувствовать. Онъ любилъ во всемъ совершенство. „Одною изъ страстей, относительно которыхъ онъ больше всего подвергалъ себя испытанію“, говоритъ его сестра, „была потребность изящества во всемъ, напр., потребность пользоваться работою лучшихъ мастеровъ и т. п.“ Онъ часто говорилъ, напр., что бѣднымъ нужно помогать *бѣдно*, т.-е. каждому по средствамъ, безъ гордаго самодовольства, безъ рисовки (*sans excellence, безъ изящества*). Однако, этотъ великій и чуткій духъ больше, чѣмъ ему хотѣлось, былъ увлекаемъ и прельщаемъ *изяществомъ*; всякаго рода образцовое произведеніе помимо воли доставляло ему удовольствіе; совершенство его „*Провинціальныхъ писемъ*“ не могло не волновать его сердца. Если, наконецъ, считать всѣ моменты его счастья, то кто скажетъ, сколько разъ, даже среди самыхъ жгучихъ тревогъ, онъ наслаждался, за неимѣніемъ другого удовольствія, уже тѣмъ, что боролся съ собою и побѣждалъ себя, приносилъ себя въ жертву и чувствовалъ всю силу своей жертвы? „Что худого будетъ, если вы примете это рѣшеніе“, спрашиваетъ онъ на тѣхъ приковывающихъ вниманіе страницахъ, гдѣ онъ заставляетъ вѣрующаго стать въ спорѣ на сторонѣ Бога и

загробной жизни:—„вы будете вѣрны, честны, смиренны, признательны, благотворительны, искренни, будете истинными друзьями. Правда, вы не будете вращаться въ зачумленныхъ удовольствіяхъ, среди славы, среди наслажденій, но развѣ у васъ не будетъ *другихъ* удовольствій?!“ Это—тѣ „*другія удовольствія*“, перемѣшанныя съ продолжительною печалью, которыхъ мы не знаемъ, потому что они остались извѣстны только Богу да ему самому: въ здѣшнемъ мірѣ нельзя подвести имъ итога; инстинктивная потребность свести когда-нибудь эти итоги и заставляетъ человѣка такъ часто поднимать взоры къ небу.

Но то, что мы видимъ въ его жизни, и особенно, что онъ самъ показываетъ намъ всякій разъ, какъ изображаетъ, въ столь тѣсной связи съ своею личностью и въ то же время столь истинно, природу человѣка, все это позволяетъ намъ думать, что душевный миръ былъ почти всегда чуждъ ему, и что самая вѣра, поддержанная волею, въ которой чувствуется усиліе, очень часто была не въ силахъ успокоить волненій его сердца. Для Паскаля была ужасающею дѣйствительностью эта непрочность человѣческихъ дѣлъ, эта шаткость самыхъ благородныхъ или самыхъ сладкихъ привязанностей, это постоянное исчезновеніе всего того, что насъ окружаетъ, и насъ самихъ,—явленія, о которыхъ моралисты любятъ толковать намъ, не всегда трогаясь ими въ дѣйствительности, о которыхъ и мы часто говоримъ, не-то-что не вѣра въ нихъ, но не проникаясь настолько глубоко мыслью о нихъ, чтобы страдать по этому поводу. Эта идея непрочности всего земного всегда была присуща его духу и никогда не ослабѣвала въ немъ въ силу привычки; онъ разсматриваетъ ее всегда съ столь живымъ и глубокимъ волненіемъ, какъ будто она только что охватила его, и всякій разъ, какъ онъ ее выражаетъ, онъ это дѣлаетъ съ такимъ горячимъ желаніемъ внушить ее намъ, что мы какъ будто видимъ и слышимъ, какъ онъ, возвѣщая намъ о ничтожествѣ міра, умоляетъ насъ выйти изъ него, подобно тому, какъ еврейскій пророкъ предвѣщалъ жителямъ Пиневія неизбѣжную гибель. Развиваетъ ли онъ эту мысль на нѣсколькихъ страницахъ, какъ, напр., въ удивительномъ „*Письмѣ объ обращеніи грѣшника*“, или она у него выражается какъ жа-

лоба или крикъ ужаса передъ „вѣчнымъ молчаніемъ этихъ безконечныхъ пространствъ“, окружающихъ насъ, передъ этою „нѣмою вселенною“, которая поглощаетъ и насъ, и самое себя, онъ такъ беспокоится и мучится ею, какъ будто она была физическою болью, не дающею намъ ни минуты покоя, и преданіе, что онъ постоянно пугался матеріальной и видимой пропасти, зіяющей сбоку, даетъ намъ самое вѣрное и наглядное понятіе о состояніи его души. Это было состояніе, котораго онъ не могъ сносить, и если онъ столь упрямо хотѣлъ привести въ него и другихъ, то дѣлалъ это въ надеждѣ, что они, какъ онъ самъ, найдутъ его несноснымъ и томительно зададутся вопросомъ: какимъ путемъ изъ него выйти? „Я могу одобрить только тѣхъ, которые ищутъ съ болью въ сердцѣ“, говоритъ онъ въ началѣ своего великаго произведенія. Эти слова выражаютъ всю его жизнь: онъ искалъ съ болью въ сердцѣ. Посмотримъ, что онъ нашель.

II.

Какъ похожъ на развалины матеріаль, заготовленный для какого-нибудь обширнаго зданія и разбросанный пока по землѣ! Съ одинаковою грустью глазъ разсматриваетъ и то, что не окончено человѣкомъ, и то, что разрушено временемъ. Великая апологія христіанской религіи, которую задумалъ и началъ писать Паскаль, представляетъ намъ, въ точныхъ изданіяхъ, обнародованныхъ въ послѣднее время, почти тотъ же видъ, какъ какой-нибудь древній манускриптъ, на половину испорченный, плохо разобранный и представляющій для нашей любознательности лишь нѣсколько отрывковъ. Эти написанныя вчернѣ главы, едва намѣченныя подробности, неполныя сентенціи, въ которыхъ иногда мы не можемъ даже добраться до смысла, похожія на изящныя портки, но безъ выхода, на гордо поднимающіяся ступени, которыя никуда однако не ведутъ, на первый взглядъ кажутся избѣжавшими разрушенія, лишившаго насъ наибольшей части этого прекраснаго труда; но постоянное повтореніе однихъ и тѣхъ же мыслей въ различныхъ выраженіяхъ, слѣды многочисленныхъ поправокъ и варіацій, и безъ вся-

кихъ другихъ указаній, приводятъ насъ къ заключенію, что авторъ не только не могъ собрать въ одно цѣлое своихъ матеріаловъ, но не имѣлъ времени и сдѣлать изъ нихъ выбора. Хотѣлъ ли онъ методически-последовательно изложить свои взгляды или въ формѣ горячей и спѣшной полемики? Хотѣлъ ли онъ дать рядъ діалоговъ или избрать форму переписки? Паскаль ничего еще окончательно не рѣшилъ по этому поводу, и мы не разъ въ видѣ летучихъ замѣтокъ находимъ у него обсужденіе вопроса о формѣ изложенія, которая лучше всего соотвѣтствовала бы его мысли.

Но насчетъ самой основы этой мысли, т.-е. насчетъ метода доказательствъ истинности христіанской религіи, у него не было никакихъ сомнѣній; въ этомъ отношеніи его произведеніе вполне закончено и доведено до того совершенства, до того *изящества*, которое такъ нравилось Паскалю помимо его воли. Намъ не зачѣмъ искать бѣдшаго освѣщенія его мысли съ этой точки зрѣнія: мысль Паскаля вполне очевидна, его планъ ясенъ и не допускаетъ уклоненій, всѣ отрывки, всѣ фразы, всѣ слова, выходящіе изъ-подъ его пера, могутъ занять свое мѣсто въ его методѣ доказательства, такъ что Паскалю принадлежитъ одно изъ оригинальныхъ и высокихъ мѣстъ въ ряду защитниковъ христіанства. Этотъ величавый умъ, охваченный среди точныхъ и естественныхъ наукъ любовью къ религіи и страстью ее распространять, рѣшилъ примѣнить къ доказательству истинности христіанства прямо тотъ самый методъ, которымъ пользуются въ научныхъ доказательствахъ, и не оставилъ для ума человѣческаго ни одной, если можно, лазейки, посредствомъ которой онъ могъ бы уклониться отъ вѣры въ истинность христіанства, подобно тому, какъ мы теперь не имѣемъ ни одной лазейки, чтобы отрицать движеніе земли. Онъ рѣшилъ дать христіанству, въ общемъ знаніи человѣка, ту же роль, которую играетъ гипотеза при доказательствахъ въ наукахъ, изучающихъ природу; иначе говоря, онъ хотѣлъ собрать въ одно цѣлое извѣстное число неопровержимыхъ фактовъ и, разъ добившись нашего согласія на признаніе этихъ фактовъ, доказать намъ не только то, что христіанство есть неизбѣжное объясненіе этихъ фактовъ, но и то, что оно есть единственно-возможное объясненіе и что,

если бы христіанская религія не была истинной, то невозможно было бы и объяснить ихъ.

Чтобы понять почти непреодолимую силу этого рода доказательства, когда его прилагають къ допускающимъ это наукамъ, достаточно припомнить, какимъ законнымъ довѣріемъ пользуется теперь между людьми, напимѣрь, гипотеза, извѣстная подъ именемъ закона всеобщаго тяготѣнія. Никто не видалъ и не касался этого тяготѣнія, причина этого явленія служить столь же непроницаемой тайной, какъ все то, что уму человѣческому можно только предполагать; но когда все, начиная съ камня, который катится у насъ подъ ногами, начиная съ текущей воды ручья, начиная съ песчинки, которая, скользя между нашими пальцами, падаетъ на землю, и кончая тѣми огромными разстояніями небесныхъ тѣлъ, которыя такъ измѣняютъ для нашего глаза видъ неба,—все объясняется гипотезой, что тѣла притягиваются другъ другомъ съ силою, которая опредѣляется ихъ массою и разстояніемъ; когда, благодаря этой гипотезѣ, видимое движеніе міра дѣлается яснымъ и простымъ, понятнымъ даже для ребенка, межъ тѣмъ какъ безъ нея какъ великія, такъ и малыя передвиженія матеріи взорамъ самаго мощнаго гения представлялись бы только безысходнымъ хаосомъ; когда, наконецъ, эта гипотеза, наполняя своимъ яркимъ свѣтомъ все то, что мы видимъ, позволяетъ нашей мысли опережать наше зрѣніе, предсказывать возвращеніе извѣстнаго рода свѣтила въ точно-опредѣленные сроки, даже болѣе, открывать свѣтила, не видя ихъ, на основаніи одного вліянія ихъ на ходъ своихъ сосѣдей, принимать это вліяніе даже за основаніе нашихъ вычисленій и описаній массы, тяжести и скорости этихъ невидимыхъ еще небесныхъ странниковъ, ожидая неизбѣжнаго часа, когда они появятся наконецъ, чтобы оправдать насъ; когда доказательства, такимъ образомъ, постоянно и вездѣ на нашихъ глазахъ, когда истина бросаетъ, такимъ образомъ, со всѣхъ сторонъ свои лучи, то развѣ возможно, чтобы умъ человѣческій отказался принять вѣроятность, доходящую почти до степени несомнѣнности, и не согласился съ самимъ собою, справедливо гордясь, что охватилъ своимъ пониманіемъ и постигъ одну изъ главныхъ пружинъ и одинъ изъ высшихъ зако-

новъ этой обширной вселенной? Вотъ о какомъ родѣ очевидности для христіанской религіи мечталъ съ трогательнымъ честолюбіемъ Паскаль; вотъ степень убѣжденія, до которой его горячая любовь къ людямъ желала насъ довести.

Итакъ, въ вопросахъ вѣры онъ поступаетъ въ родѣ того, какъ имѣлъ привычку поступать Сократъ въ вопросахъ философіи: онъ какъ бы сводитъ теологію на землю и хочетъ положить въ прочномъ фундаментѣ ея факты, констатированные въ самой природѣ человѣка. А если разъ допустить эти факты, если христіанство всѣ ихъ можетъ объяснить, то какъ же христіанская религія, ставшая такимъ образомъ ключомъ къ нравственному міру, послѣднимъ словомъ чело-вѣческой природы, будетъ не истинной религіей? „Чтобы выполнить этотъ планъ“, говоритъ Этьенъ Перье, передавая разговоръ, въ которомъ Паскаль излагалъ друзьямъ планъ своего труда, „онъ началъ съ изображенія человѣка и не забылъ ничего такого, что могло бы ознакомить съ человѣкомъ, внѣ или внутри его, вплоть до самыхъ тайныхъ движеній его сердца“. Вотъ какъ Паскаль по необходимости сдѣлался моралистомъ. Ему нужно хорошо обрисовать человѣка, чтобы доказать намъ, что человѣкъ есть загадка, совершенно необъяснимая и неразрѣшимая никакой другой гипотезой, кромѣ истинности христіанской религіи. Чѣмъ болѣе странна, значить, природа человѣка, чѣмъ болѣе полна противорѣчій и непостижима съ помощью одного разума, тѣмъ очевиднѣе и выше та истина, которая одна только можетъ объяснить ее. Чѣмъ глубже мракъ, тѣмъ живѣе и благотворнѣе покажется намъ смѣняющій его свѣтъ. Паскаль хотѣлъ сначала привести насъ въ смущеніе видомъ противорѣчій нашей природы и нашимъ безсиліемъ примирить ихъ въ такой теоріи, объясняющей человѣка и міръ, которая была бы пріятна нашему разуму. Такой именно смыслъ и имѣють упорныя усилія Паскаля запереть насъ въ этотъ лабиринтъ и навести насъ на христіанство, какъ на единственный выходъ, который остается для нашего отчаянія, въ ожиданіи, что мы примемъ его съ радостью, какъ свѣтлую дорогу, открытую для нашей надежды; это тотъ непоколебимый методъ, который позднѣе осуждалъ со всею горячностью юности Вовенаргъ. „Нѣтъ вовсе противорѣчій